

ГИЛЬГАМЕШ, СЫН ЛУГАЛЬБАНДЫ

ШУМЕРСКИЙ ЭПОС

в пересказе

Анджея Иконникова-Галицкого

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАТРИЦА
Санкт-Петербург

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Тут нам недавно вспомнилась одна древняя-предрвняя сказка. Её начали записывать где-то в конце III тысячелетия до нашей эры, а устно излагали ещё задолго до этого. Но, в сущности, она хоть и старинная, но вполне актуальная: она про основные вопросы жизни, смерти и бессмертия, и мы не можем удержаться, чтобы не пове­дать её вам. Только просьба учесть, что эта история при­ключилась действительно очень давно – почти пять тысяч лет назад. За истекшее время в сюжетной канве вполне могло что-то запутаться и перепутаться. К тому же сию легенду первоначально рассказывали на совсем не русском языке, а потом на других языках, ещё более не русских. Так что мы знакомимся с данным повествованием не в подлиннике, а в переводах, сделанных учёными людьми в XX и XXI веках от Рождества Христова.

Перечислим имена этих учёных в хронологическом по­рядке.

Владимир (Вольдемар) Казимирович Шилейко, ассириолог, шумеролог, поэт и, между прочим, второй муж Анны Ахматовой.

Игорь Михайлович Дьяконов, лингвист, историк, великий знаток Древнего Востока; без всякого преувеличения – светило русского востоковедения. Его перевод поздней (вероятно, конец II тысячелетия до нашей эры), «ниневийской» версии сказания, сделанный с аккадского языка, мы взяли за основу большей части нашего изложения.

Владимир Аронович Якобсон, ученик и сотрудник Дьяконова, ассириолог, шумеролог.

Вероника Константиновна Афанасьева, историк и поэт, блистательный переводчик поэтических текстов с шумерского и аккадского языков.

Рим Маратович Нуруллин, современный исследователь древнеближневосточной литературы.

Надо сказать, что вышеперечисленные выдающиеся специалисты, читая древние тексты на давно исчезнувших языках, сталкивались с огромными трудностями, о которых будет вкратце рассказано в комментарии, в главе «Время и место действия». Многие в их переводах предположительно, условно, представляет собой догадки и гипотетические реконструкции. Этот факт тоже просим иметь в виду, если в нашем рассказе что-то вам покажется странным, нелогичным или маловероятным.

Ко всему прочему, со времени предлагаемого действия утекло ужасно много исторической воды и произошли существенные изменения в образе жизни человечества. По-

этому возникла необходимость добавить к повествованию комментарий, в котором приводятся сведения о реалиях того времени и тамошних мест. А малопонятные имена, названия и термины собраны и кратко разъяснены в небольшом словарике в конце книги.

ВНАЧАЛЕ

Яко возвеличишася дела Твоя, Господи,
вся премудростию сотворил еси!

Псалом Давида 103:24

КОГДА НЕБО СТАЛО ВВЕРХУ, А ЗЕМЛЯ ВНИЗУ...

небо вздыбилось над землёй, вот когда,
Когда земля легла под небом, вот когда,
Когда семя жизни зародилось, вот когда,
Когда Ан решил небо утащить, вот когда,
Когда Энлиль задумал землю забрать, вот когда,
Когда Энки под землёй проплыл, вот когда,
Когда рты научились жевать хлеб, вот когда...

Из древнего шумерского сказания

Давным-давно, так давно, что тогда небо вверху ещё никак не называлось и твердь внизу не имела имени, случилось вот что.

Был тогда Апсу, некто такой Первородный, который неизвестно как выглядел и откуда взялся. И была Тиамат. И она имела силу принимать, а он имел силу оплодотворять.

И вот он и она соединялись и смешивали воды свои вместе – не над и не под, нигде и везде, не зная времени. И вот тогда, когда не существовало ещё болот и тростниковых зарослей, змей и улиток, рыб и цапель и острова не отделились от моря, когда и богов-то не было, и никаких имён, и названий, и судеб не было, и ничто ни из чего не следовало, – вот тогда они, Апсу и Тиамат, всласть смешивали свои воды и по-всякому соединялись. Так продолжалось неведомо сколько. И от этого внутри них образовались такие Лахму и Лахаму.

И вот появились такие двое, и их назвали, им дали имена: Лахму и Лахаму.

А мать и отец, породив их, пришли в изнеможение и уснули.

Близнецы росли-росли, долгие века росли – и выросли. И от них образовались ещё Аншар и Кишар, не мужчина и не женщина, а оба – и то и другое, которые были ещё больше, чем их предки, и ещё дольше росли и приходили в силу. А от них уже родился Ан, равный своим родителям, вместе взятым. Ан – первенец Аншара, и Аншар сделал его во всём себе подобным. А от Ана появился ему подобный Нудимудд. Этот Нудимудд стал больше всех своих отцов. Его уши открыты всякому звуку, он ужасно мудр и страшно могуществен – могущественнее даже деда Аншара. Ему нет равных среди братьев.

Так появились боги. Их стало много. И вот как-то раз они сошлись все вместе, побежали навстречу друг другу, напились пива на радостях, стали прыгать, плясать, топтать

ногами и махать руками. Они веселились, плясали и топали так, что разбудили Праматерь Тиамат, расшевелили её, растревожили её утробу. Плясками они раскачали средоточие сердца небес, так что проснулся Апсу, стал ругаться, но не мог уговорить их. А Тиамат молчала и терпела, хоть и видела, что её прапраправнуки безобразничают, но, как женщина, потакала им. А Апсу, глядя на это, злился.

Тогда Апсу, прародитель богов, вызвал своего друга и советника Мумму и говорит ему:

– Привет, Мумму, мой друг и советник! Ты один всегда радуешь моё сердце! Пойдём вместе к Тиамат, потолкуем кое о чём!

Они пошли в дом Тиамат и уселись перед ней, повели речь о богах, своих первенцах. Апсу отверз уста и сказал чистой Тиамат:

– Слышишь, мать, твои детёныши напились пива и безобразничают. Их топот и гам причиняют мне беспокойство! Нет мне ни сна, ни отдыха ни днём ни ночью. Вот я возьму и уничтожу их совсем, разобью их вдребезги, сотру в пыль, утопчу в глину, и снова заживём мирно, и снова будем спать спокойно!

Услышав такое, Тиамат возмутилась. Она очень разволновалась, набросилась на своего мужа с воплями и укоридами:

– Дурачина ты, старый бездельник! Что ты, старый, совсем из ума выжил?! Как можем мы уничтожить то, что сами родили? Пусть они непутёвые, пусть они безобразники, но это же наше порождение! Надо терпеть,

придётся смириться. Ему бы только почивать – ишь чего удумал!

Апсу заткнул уши и хотел убраться восвояси. Но хладнокровный Мумму решил помочь ему советом. Опасен был совет Мумму.

– Отец мой, кто хозяин в доме? И кто смеет досаждать хозяину? Уничтожь их, отец мой, конечно, уничтожь их вместе с их дурными делишками! И будешь опять проводить дни в мире, ночи в покое.

Апсу услышал – прямо-таки просветлел ликом. Ибо зло закипело у него в душе против своих порождений. Приобнял он Мумму, посадил на колени, приласкал, сказал:

– Умница! Хороший мальчик.

Вот так они вдвоём и порешили, и сообщили о том богам, своим первенцам. Что, мол, Апсу их уничтожит, вдребезги расколотит, в пыль сотрёт. Услышали боги, заметались, притихли, затаились – сидят тише воды ниже травы. Боятся.

Но среди богов был Энки – разумом мудрый, очень хитрый, искусный на всякие проделки. И вот всезнающий Энки придумал такой выход из положения. Он в своих мыслях создал образ слова, завершил его и закончил. Он сотворил сильное заклинание, возгласил, повторил громозвучно и отправил в Изначальные воды. Из вод излилась дремота неодолимая, окружила, обволокла Апсу, и он уснул непробудным сном. И даже осторожного Мумму, коварного советника, охватило сонное оцепенение. Тогда

Энки снял с Апсу царский пояс, стащил с головы светозарную шапку. Он овладел сиянием Апсу, в котором его власть и бессмертие. И тогда самого Апсу он убил, а Мумму связал, потащил на верёвке, сбросил в преисподнюю и запер на засов.

Тиамат, видя гибель мужа от руки своего порождения, возмутилась, и восскорбела, и заклала своё потомство:

– Как ты сделал отцу твоему, так и тебе будет в конце времён. Все вы, рождённые мною, будете враждовать, пока не погибнете. И всё вами рождённое и созданное погибнет, как Первозданный.

Заклятием Тиамат вражда и смерть вошли в мир. И будут царствовать над всем сущим, пока Первозданный не воскреснет и Праматерь не снимет своего заклания.

А над трупом Апсу решил Энки построить великое здание под названием Апсу, чтобы поселиться в нём и зажить на славу с женой и другими богами.

И началось строительство великого храма.

Боги принялись за работу: ломали камень, лепили кирпичи из глины, таскали тяжёлые корзины с землёй. Корзины богов были огромны, труд тяжёлый, пот лился с них градом.

Тогда семь верхних богов – они называются Ануннаки – возложили бремя труда на нижних, Игигов. А сами ударили по рукам, кинули жребий, поделили власть над миром. Ан, отец их, стал владыкой неба. Энлил – первым в совете и военачальником. И он владеет земной твердью. Управляющим хозяйством сделался Нинурта.

Надсмотрщиком над работами – Эннуги. Исходы и врата вод получил Энки.

Ан забрался к себе на небо, Энки спустился в свои глубины, Энлиль уселся на престоле на земле. А весь тяжкий труд Ануннаки свалили на Игигов.

Принялись Игиги копать, таскать землю и строить. Вот они трудятся без отдыха и срока днём и ночью. Прокопали реки, вырыли каналы. Реку Тигр они прокопали, реку Евфрат проложили они же. Они работают и в воде, и под водой, и в болотах и топях, и на земле, и под землёй. Это они возводят жилище для Энки.

И так они строили-строили – и построили дом Апсу для Энки, чтобы он там жил и прохлаждался с женой. Высоченный дом построили. А для Энлиля построили дом Э-Кур. Тоже большой, ещё больше.

Десять лет они работали как проклятые.

Двадцать лет трудились без передышки.

Тридцать лет вкалывали, не зная отдыха.

Годы и годы тяжело трудились. И вот они задумались и подсчитали, сколько лет они так корячатся на земле и под землёй, в воде, болотах и топях. Годы труда они подсчитали. Оказалось – две с половиной тысячи лет.

Тут уж Игиги возмутились. Они сошлись толпой, махали ручищами, кричали, наливаясь злобой. Они шумели прямо там, где работали, – в своих канавах и ямах:

– Мы требуем управляющего! Хотим начальника увидеть! Хватит нам ишачить или заплатите за работу! Где Энлиль, советник богов, военачальник? Где его приспеш-

ники? Пойдём разыщем самого Энлиля! Поговорим с ним по-свойски. Пойдём разыщем его жилище!

Они сожгли свои лопаты, спалили свои корзины. Вылезли из нор, взялись за руки, с гордо поднятыми головами дружно пошли к святым воротам дома военачальника Энлиля. В середине ночной стражи, в самую полночь, подошли, окружили Э-Кур со всех сторон. А Энлиль отдыхает, ничего не ведает. Его дворец окружён, а он не знает, спокойно поживает. Только его телохранитель Калькаль услышал шум, забеспокоился, побежал выяснять, в чём дело. Открывает засов, выглядывает – и видит: толпа окружила дом, все злые, глаза жёлтые от злобы. Орут:

– Нас заставляют горбатиться на стройке, а сами прохлаждаются во дворцах! Нас гробит непосильное бремя! Мы ведь тоже боги, не хуже тех!

Калькаль разбудил вестового Нуску, тот ахнул, пошёл будить господина. С постели его поднял.

– Господин мой, твой храм окружён! Подошла война к твоим воротам!

Энлиль проснулся, ничего понять не может. Испугался, сидит на своём ложе, не знает, что делать. Нуску пытается привести его в чувство:

– Хозяин Энлиль, что это ты такой бледный? Ты, что ли, родни своей боишься? Позови-ка Ана, пусть он с небес спустится. Позови Энки, пусть вылезит из своих пещер.

Очухался Энлиль, послал за богами-братьями, Ан к нему спустился, Энки вынырнул, собрались все большие

Ануннаки. Ан, владыка неба, сел на горнее место как председатель. Энлиль повёл доклад, изложил дело.

– Вот что ныне здесь случилось. Что же делать? Не пора ли взяться за оружие? Подошла война к моим воротам!

Ан уста свои отверз, говорит Энлилю:

– Отчего это Игиги твой дом окружили, ломятся в ворота? Прикажи-ка ты, братец, своему вестовому, чтобы он пошёл к ним, узнал причину!

Энлиль:

– Слышишь, Нуску? Ступай.

Нуску взял своё оружие, пошёл, долго вёл переговоры с Игигами. Возвращается, кланяется, докладывает хозяину:

– Господин мой, ты посылал меня к бунтовщикам, вот я вернулся. Приношу ответ, излагаю дело. Все они как один тебе войну объявили. Вот что они сказали, слово в слово: «Все как один идём к Энлилю, несём нашу волю! Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать. И мы терпели, но нас толкают всё дальше в омут нищеты, бесправия и невежества! Нас душат деспотизм и произвол! Мы задыхаемся! Нет больше сил. Настал предел терпению. Лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук».

Энлиль услышал такие речи, и из глаз его покатались слёзы. Утёр он их, обращается к председателю Ану:

– Ты старший среди нас, ты обитаешь на небе, откуда нисходят законы. Дай нам всем благой закон, покажи свою силу! Порази Игигов! Побей их!

Ан уста свои отверз, говорит богам-братьям:

– За что, собственно, мы на них злимся, а они на нас? Их труд и правда тяжёл, и кругом у них одни невзгоды. Каждый день они таскают тяжеленные корзины, горько плачут, так что даже мы слышим. Я думаю вот что: пусть Праматерь создаст род каких-нибудь подвластных, назовём их, например, человеками. И мы бремя богов на них возложим. Я так думаю.

Тогда Энки отверз свои уста:

– Всё верно. Их труд тяжёл, кругом одни невзгоды. Каждый день они таскают корзины. Они горько плачут, их стенанья мы слышим. Пусть Ануннаки пред тобой все сядут по порядку, и Праматерь богов придёт тоже. Пусть она сотворит подобного нам человека. Мы на него возложим ту тяжесть, которую теперь таскают на себе боги. Корзины богов пусть носит он, человек!

Вызвали Праматерь Намму-Тиамат, повитуху богов, мудрейшую Мами. Она не поленилась, пришла в сопровождении свиты – богинь рождения. Вот женщины явились, а Энки им и говорит:

– Праматерь, у тебя сила творить и зачинать! Мы тут посоветовались и решили: сотвори-ка ты человека, чтобы было кому для нас строить и таскать тяжести! Пусть ему достанутся труды, которые назначил Энлил! Пусть трудится он, человек!

Намму уста свои отверзла, говорит собранию богов:

– Так-то оно так, но я не могу сотворить в одиночку. Только вот с ним, с Энки. Только он оживляет. Пусть он живой глины мне даст – и я исполню!

Энки отверз свои уста, говорит богам великим:

– Отлично! В первый же месяц, в день седьмой и пятнадцатый, я совершу обряды очищения. Но только вот что: одного кого-то из богов должно будет повергнуть, рассечь и кровь выпустить. Все остальные боги окунутся в его кровь, его кровью омоются и очистятся. Из его плоти, на его крови намешает Намму живой глины. Воистину: смертное и бессмертное, божье и человеческое соединятся, смешавшись в глине!

И всё собрание, Ануннаки великие, ответило:

– Да! Так будет!

На том порешили, послали ответ Игигам и помирились с ними.

В первый же месяц, в дни седьмой и пятнадцатый, Энки совершил обряды очищения. Из своих братьев они выбрали Премудрого бога, убили, рассекли, кровь собрали в ванну, омылись в ней. Из его тела, на его крови замесила Праматерь глину. Месила она её, месила, а Игиги, великие боги, своей слюной глину размачивали. И вот Маами, всеобщая Праматерь, отверзла уста и говорит всем богам великим:

– Вы приказали – я совершила. Теперь я вас избавила от работы, все ваши корзины отдала человеку. Но учтите: не снято моё заклятие, я всё ещё скорблю по мужу. Эта скорбь перейдёт в человека. Он будет смертен, и будет всю

жизнь скорбеть и страшиться смерти, и рано или поздно восстанет на вас, хранителей миропорядка. Когда это случится – не знаю, нескоро. А до тех пор он и его род будут исправно служить вам.

Они все бросились к ней, поклонились в ноги.

– Какая ты молодец, великая Намму! Прежде мы тебя называли Мами, теперь наречём Владычицей Богов!

Тут прибежали богини рождения, собрались все вместе перед ней, перед матерью, натоптали глины. А Энки сел рядом творить волшебные слова, заклинания. И она начала возглашать заклинания, которые ей подсказывал Энки. Когда же завершились волшебные речи, отломилась она четырнадцать ломтей глины: семь положила направо, семь положила налево. И кирпич посередке между ними.

– Ну-ка, режьте пуповину, как режут косу! Пуповину режьте!

Склонились богини рождения, соединились в мудрости и познании – семь богинь и ещё семь богинь. И сотворили семь человек – мужчин. И ещё семь человек – женщин. Соединили их попарно. А Мами изрекла закон судьбы для человеков:

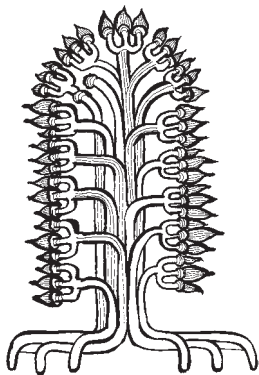
– В доме рожающей во время родов пусть на семь дней будет установлен кирпич. Владычицу Богов, премудрую Мами пусть славят! Повитуха пусть радуется в доме, где роды! Пусть растут у женщины груди с сосцами, пусть борода растёт у мужчины, на щеках юноши пусть пробивается пушок. Пусть отныне и вовеки жена с мужем возлягут и будут совокупляться.

Умыли руки и ноги богини рождения. Села Намму-Тиамат, подсчитала сроки. И объявила судьбу: женщине родить на девятый месяц после соития с мужем. И когда пришёл девятый месяц, в назначенный срок отверзла женщине утробу. И повязала платок на голову, и радостно сама совершила повивание. Опоясала чресла, благословила, муки насыпала, кирпич поставила.

– Это я сотворила, мои создали руки! Когда супруг на ложе возляжет, пусть спит жена с супругом вместе! Во время замужества и женитьбы пусть Инана в доме свёкра ликует! Девять дней пусть продлится праздник!

Были созданы первые люди. И размножились, наполнили землю и продолжили работу богов. Прорыли каналы, построили города и храмы. Сделали цветущей страну Ки-Энги.

Примерно так всё начало быть, что начало быть, согласно научным воззрениям древних шумеров.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА